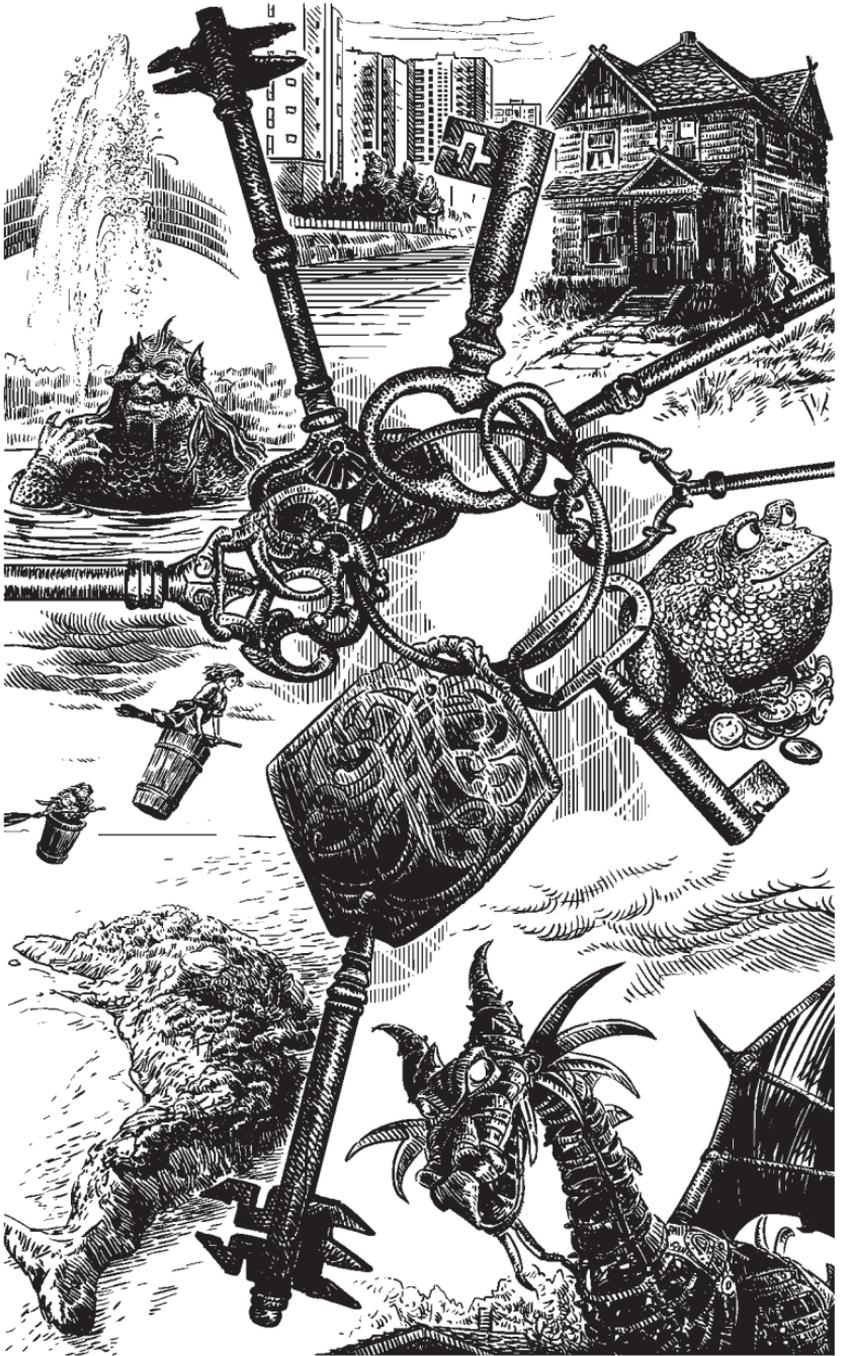

Ольга Ярошинская

РОМАНТИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Ольга Ярошинская

Ведьма по наследству

Фэнтези • Любовный роман • Юмор

Роман

 Москва, 2018
SARMA
&
«Издательство А.ЛЬФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Я77

Серия основана в 2011 году
Выпуск 358

Художник
Л. Клепакова

Ярошинская О. А.

Я77 Ведьма по наследству: Роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2018. — 315 с.: ил. — (Романтическая фантастика).

ISBN 978-5-9922-2682-9

Одним прекрасным утром я получила в наследство дом. А в придачу — вредного кота, вязанку дохлых летучих мышей, чучело оборотня и список условий, которые должна выполнять, если хочу, чтобы все это сомнительное богатство стало моим. Моя скончавшаяся прабабка, которую я даже не знала, была ведьмой. Теперь я заняла ее место. Это не так и сложно, когда рядом лучшая подруга и сильный мужчина, готовый встать на мою защиту. Но, похоже, я рано радовалась неожиданному наследству...

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Ярошинская О. А., 2018
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2018

ISBN 978-5-9922-2682-9

Я стояла у плиты, помешивая тягучее варево. Аромат кофе и шоколада наполнил крохотную кухню так густо, что, казалось, можно зачерпывать воздух ложкой и есть. Осталось совсем немного, и все будет готово. Я насыпала в кастрюльку горсть овсянки, добавила ложку меда и услышала, как кто-то открывает ключом дверь квартиры.

Хозяйка влетела на кухню, даже не сняв ботинки, обшарила взглядом и мой затрапезный халат, и недопитую чашку чая, и грязную тарелку в мойке.

— Бардак разводишь? — Метнулась в комнату и тут же вернулась с несколько разочарованным лицом. — Хахаль уже ушел?

— Нет у меня хахалья, Наталья Борисовна, — обреченно ответила я. — И бардака нет. А вы бы предупреждали, перед тем как приехать.

— С чего это я должна перед тобой отчитываться? Это моя квартира, я сюда могу прийти в любой момент! Кто тебя знает, может, ты тут наркоманский притон устроила. Или бордель.

Я окинула себя мысленным взором: черные кудрявые волосы скручены на затылке в лохматый пучок, пронзенный навывлет простым карандашом, на ногах теплые полосатые носки и тапки в виде пушистых зайцев, а довершает образ проститутки ядрено-желтый халат.

Я плотнее запахнула халатик, мрачней с каждой минутой. Квартира, которую я снимала всего три месяца, находилась почти в центре. Под окном зеленел парк, через дорогу подмигивала вывеска моего любимого спортивного центра, а до общаги лучшей подруги Юльки ходили все троллейбусы. Я отмывала кухню и ванную почти неделю, переклеила обои, ободрав жуткие зеленые цветы с желтыми разводами непонятного

происхождения, и теперь квартира полностью меня устраивала, если бы не одно «но» — ее хозяйка.

— Такой бизнес за три дня не раскрутишь, — ответила я. — А вы ко мне на этой неделе уже заезжали.

Наталья Борисовна хмыкнула, расстегнула блестящий алый плащик, уселась на стул, давая понять, что она здесь надолго, потом повернулась к стене и замерла, забыв закрыть рот.

На стене жил город. Узкая мощеная улочка изгибалась вокруг пруда, по поверхности воды плясали солнечные зайчики, яблони протягивали цветущие ветки прямо в кухню, голуби клевали крошки у ног импозантного мужчины, устроившегося на лавочке. Семь метров кухни раздвигались до конца улочки, где виднелась церквушка с витражными стрельчатými окнами и колокольной.

— Это что?

— Юлька говорит — Прага, — сказала я. — Вы же разрешили все красить-переклеивать, если за свой счет.

Наталья Борисовна задумчиво отхлебнула мой недопитый чай, поморщившись, отодвинула чашку. На фарфоре остался жирный след красной помады.

— Знаешь, Василиса Егоровна, слишком шоколадно ты устроилась, — протянула она. — Живешь тут, как у Христа за пазухой, да еще постные рожи корчишь.

— Рожа уж какая есть, перекраивать не собираюсь, — ответила я и прикусила губу. А вот Наталья Борисовна свои губы, которые с момента нашего знакомства увеличились в размерах втрое, наоборот, надула.

— Еще и огрызаешься, — почти ласково сказала она. — А телевизор из розетки не выключаешь, как я просила.

— Так ведь я дома, — опешила я. — Да и глупо это — каждый раз, уходя из квартиры, все из розеток выключать.

— Конечно, если вдруг замыкание случится, то не твоя квартира сгорит. — Хозяйка хлопнула ладонью по столу. — В общем, со следующего месяца платишь двести.

— Что? — возмутилась я. — Мы же договаривались. Сто пятьдесят — мой потолок.

— Значит, прыгай выше потолка, Василиса, — усмехнулась женщина. Толстые губы растянулись, как два червяка. — А если тебя что-то не устраивает — скатертью дорога.

Она лениво встала, подошла к плите, по-хозяйски зачерпнула ложкой содержимое кастрюльки, подула и, прикрыв глаза, пригубила мой шоколадный шедевр.

Я с наслаждением смотрела, как выпучиваются ее глаза, как пухлая кисть хватается за горло. Наталья Борисовна выплюнула варево в умывальник, лихорадочно набрала в рот воды из-под крана.

— Вы бы хоть спросили, — сказала я. — Это же мыло!

Юлька ответила после четвертого гудка.

— Я на парах, — прошептала она. — Уровень тревоги?

— Красный, — мрачно ответила я.

— Буду.

В телефоне послышались короткие гудки, а я вздохнула и села за стол, на котором остывало шоколадное мыло в фигурных формочках. Даже если я как-то извернусь и смогу платить за квартиру цену, назначенную хозяйкой, так дальше продолжаться не может. А если бы я на самом деле решила привести к себе гипотетического хахалю, а в разгар свидания вломила бы Наталья Борисовна со своей инспекцией? Значит, снова переезд. Как же мне надоела жизнь на чемоданах! За последние два года я успела сменить четыре квартиры, но мечта о собственном жилье оставалась неосуществимой. Я занималась переводами, репетиторством, делала мыло ручной работы, которое разлеталось, едва успев застыть, но едва сводила концы с концами. Я вытащила из шкафа чемодан, открыла его и положила в центр комнаты. В голодную пасть полетели мои свитера и джинсы.

Юлька влетела в квартиру через полчаса после моего звонка, когда я сидела верхом на набитом чемодане и с тоской смотрела на вещи, разбросанные по комнате. Подруга остановилась на пороге, воинственно перекинула за спину толстую русую косу, вдвое толще ее запястья, обвела взглядом комнату. Я даже умилилась: Юлька — само воплощение нежности и женственности, но сейчас ее голубые глаза сверкали праведным гневом, а на щеках разгорелся румянец — примчалась защищать подругу.

— Каждый раз барахла все больше, — пожаловалась я. — Оно бесконтрольно размножается!

— Это ты только свою косметику собрала? — съехидничала Юлька.

— Святое не трожь!

— Снова переезд? — понятливо вздохнула она, и я кивнула.

Мы устроились на кухне, и я в лицах пересказала нашу стычку с Натальей Борисовной.

— И знаешь, в этом есть и твоя вина! — обвинила я подругу, забирая у нее тарелку из-под супа, который она выхлебала под аккомпанемент моего рассказа. — Если бы так классно не разрисовала эту стену, моей мымре не пришлось бы в голову завышать цену. Твой талант поднял стоимость аренды!

— Вася, ты точно решила переезжать? — задумчиво спросила Юля, рассматривая творение своих рук.

— А какие варианты? Она за эти три месяца все нервы мне вымотала! Сто раз пожалела, что не заключила официальный договор. Сэкономила, называется. Вот только где мне перекаптоваться, пока другую квартиру не найду...

— Может, удастся договориться с комендой, чтобы пустила тебя ко мне в общежитие, — без особой надежды предложила Юля. — В крайнем случае будешь балконами пробираться. Вот недавно рассказывали, к ребятам из сорок первой девчонка по простыням на четвертый этаж залезла.

— Я, конечно, девушка спортивная, но хотелось бы без экстрима.

— Ладно, как-нибудь прорвемся, — махнула Юлька рукой. Она сходила в прихожую, вернулась с портфелем, деловито разложила на столе краски и кисти, а потом принялась творить.

Я исподволь залюбовалась подругой. Она всегда была симпатичной. Уже в седьмом классе мальчишки краснели, заикались и мычали, как идиоты, стоило Юльке поднять на них прозрачные русалочьи глаза. А к девятому классу, когда у подруги внезапно появились формы всем на зависть, от кавалеров отбоя не было. И сейчас, в потоке вдохновения, она была дивно хороша: золотистая кожа подсвечена внутренним солнышком, скулы горят нежным румянцем. Юлька казалась феей, творящей волшебство. Но я знала, что за мягкой внешностью прячется стальной стержень, который удержит ее при любых невзгодах. Мы выросли в небольшом городишке, вместе поступали на учебу в столице. Но если мне сразу посчастливилось пройти конкурс, то Юлька поступила на вожделенный факультет искусств с третьего раза. Она никогда не сдавалась.

Засучивала рукава на своих белых ручках и принималась за работу.

Когда она закончила, я села прямо на пол.

— Теперь у меня точно нет дороги назад!

Юлька удовлетворенно осмотрела изменившуюся картину на стене и уселась рядом, вытянув ноги.

Над городом на стене клубился кровавый туман, в нем угадывались вытянутые лица с распахнутыми беззубыми ртами, вздетые в страдальческом безмолвном порыве руки. Трупики голубей валялись у ног господина, вальяжно рассевшегося на лавке. Из-под вздернутой верхней губы мужчины выглядывали клыки. Фасад церквушки оккупировали горгульи. На непроницаемо-черной поверхности пруда плавала одинокая женская шляпка с малиновым цветком.

— Шляпка особенно хорошо получилась, — похвалила я. — Намек на трагедию, недосказанность.

— Мне тоже нравится, — согласилась Юля.

— Может, еще бомжей дорисуешь? — предложила я. — Или гоп-компанию?

— Отличная идея! — Подруга схватила кисти, преисполнившись энтузиазма, а мой телефон вдруг завибрировал, пополз по столу.

— Слушаю. — Я поднялась с пола, сгибая и разгибая затекшую ногу.

— Василиса Егоровна Вороненко?

— Да.

Бесстрастный голос в трубке принадлежал, казалось, женщине без возраста.

— Эльвира Протосовна Мут, нотариальная контора Октябрьского района. Я жду вас завтра в девять часов ровно по вопросу вступления в наследство.

— Что? От кого? Вы что-то путаете!

— Кабинет номер шесть, девять часов.

В трубке послышались короткие гудки, а я так и стояла, рассматривая бомжа на картине Юльки. Понятно, почему подруге не сразу удалось поступить — пропорции тела мужчины не выверены, рука странно согнута. Но тем не менее мужчина был живой: в чертах лица еще проступала былая интеллигентность, уголки губ трогательно приподнимались, будто ему снилось что-то хорошее. Пустая бутылка лежала у вытянутой руки, поблескивая зеленоватым боком в свете фонаря.

— Наследство какое-то, — пробормотала я.

— Это же здорово! — обрадовалась Юлька, дорисовывая дорожку слюны, стекающую по щеке бомжа и собирающуюся в лужицу. — Вот как подвоят тебе сейчас миллионы!

— Не с моим счастьем, — буркнула я.

Тем не менее ровно в девять часов утра я переминалась с ноги на ногу возле кабинета номер шесть нотариальной конторы. По такому поводу я постаралась одеться официально — черная юбка-карандаш, белая блузка, туфли на каблучках; на плече болталась маленькая черная сумочка, в нее влез лишь паспорт, кошелек и ключи, которые уже через два дня мне нужно отдать хозяйке квартиры. Волосы с помощью подружки удалось укротить, уложив во вполне приличный пучок, зеленые глаза только слегка подведены карандашом. Я надела черную кожаную куртку и пожалела об этом, еще выйдя из подъезда, — с утра подморозило, несмотря на начало мая. Но возвращаться за пальто не хотелось — плохая примета.

Мы с Юлькой весь вечер перебирали варианты, от кого мне могло перепасть наследство. Вспомнили всех: учительницу английского, у которой я была любимицей, соседа по даче, норовившего ущипнуть меня за попу, стоило мне нагнуться за сорняком, заодно перебрали всех бывших.

Я долго не могла заснуть. В кои-то веки был повод порадоваться тому, что я сирота — мне не за кого было переживать. Но кто-то в этом мире оставил мне наследство, значит, как-то выделял среди прочих людей, чувствовал связь, а я даже не знаю, кто это может быть...

Я робко постучала в дверь кабинета.

— Опаздываете, Василиса Егоровна, — отчитал меня уже знакомый холодный голос.

— Ровно девять, — попыталась возразить я, заходя в кабинет, но, увидев нотариуса, поняла, что все слова бесполезны.

Женщина, сидящая за столом, напоминала сфинкса: та же незыблемость, монолитность и невозмутимость. Ее руки лежали на столе параллельно друг другу, большие карие глаза чуть навыкате смотрели сквозь меня, бронзовые локоны одинаковыми спиральками спускались на плечи.

— Приступим, — сказала она. — Моя клиентка, Маргарита Павловна Воронцова, ваша троюродная бабка, недавно отошла в мир иной.

Я молчала, переваривая информацию. Фамилии схожи, имя мне не знакомо.

— Вы не были знакомы лично, — угадала мои мысли Эльвира Протосовна, — но она оставила весьма четкие указания. Вы получаете право пользования всем ее движимым и недвижимым имуществом сроком на год. Если вы выполняете условия, оговоренные в завещании, то через год вступаете в право владения всем наследством.

— Условия? — Я поискала глазами стул или кресло, но так и не нашла, куда опустить свою попу. Кабинет номер шесть не отличался гостеприимством и уютом, стол и кресло Эльвиры Протосовны были единственной мебелью — абсолютно белой, как и стены и потолок. Возле окна, закрытого белыми пластиковыми жалюзи, в глиняном горшке стоял фикус, и я постоянно возвращалась к нему взглядом. Право слово, он казался куда живее нотариуса.

— Здесь всё. — Эльвира Протосовна едва заметно кивнула на большой желтый конверт на краю стола, где стоял лишь маятник с металлическими шариками, прижавшимися друг к другу круглыми боками, как замерзшие воробьи на веточке. — Ознакомьтесь. Завтра жду вас в это же время.

Я взяла конверт, попыталась всунуть его в крохотную сумочку, поняла, что это бесполезно, и прижала конверт к груди.

— А что за наследство? — спросила я.

— Оно больше, чем вы можете вообразить. — Сфинкс прикрыла глаза, словно забыв обо мне.

Я пробормотала «до свидания», вышла из кабинета, надорвала конверт и вытащила верхний листок.

«Находясь в здравом уме и твердой памяти, передаю Василисе Егоровне Вороненко все свое имущество, в том числе:

Дом (переулок Чертополоховый, № 1)...»

Сердце мое оборвалось, а потом заколотилось, как набат. У меня теперь есть дом!

Я влетела в квартиру, на ходу сбрасывая туфли, ворвалась в кухню, сгребла Юльку, колдующую у плиты над сырниками.

— Дом! Дом! Я получила в наследство дом!

Юлька завизжала, мы заскакали по кухне, как две бешеные козы.

— Давай же рассказывай скорее! — Подруга схватила меня за плечи и затрясла, как будто ожидая, что так слова быстрее из меня выпадут.

Я протянула ей конверт.

— Нотариус выдала мне вот это, сказала ознакомиться. А завтра в то же время прийти к ней. Там какие-то условия.

— Какие еще условия? — Спohватившись, Юлька сунула конверт обратно мне, а сама бросилась к сковороде. — Подгорели немного, замаскируем сметаной...

— Я еще не читала.

— А какой размер пошлины надо оплатить? — спросила подруга. — Какие справки предъявить? Там наверняка куча мороки.

Я опустилаcь на стул, вздрогнула, покосившись на бомжа, нарисованного Юлей как раз на уровне стола.

— Слушай, а ведь она у меня даже паспорт не попросила, — осенило меня. Кровь бросилась в голову, пульс застучал в висках.

— Давай читай, — кивнула на конверт Юля. — Вслух.

Я послушно открыла конверт, вынула лист, исписанный от руки. Чернила были густые, темные, с крупными приставшего песка. Крупный заголовок выделялся наверху страницы витиеватыми закорючками.

— «Условия для наследницы ведьмы», — упавшим голосом прочла я. На кухне повисла пауза, еще более зловещая, чем одинокая шляпка в пруду на стене. Я закусила губу, сдерживая злые слезы обиды.

— Вот сволочи! — в сердцах бросила Юлька. — Что за дурацкий розыгрыш? Хотя ты была бы зачетной ведьмой — буйные кудри, зеленые очи, острый язык...

— А сама? Думаешь, меня обманет твой образ нежного цветочка? Я-то знаю, какие черти водятся в тихом омуте.

— На меня стрелки не переводи, мне ведьмино наследство не предлагают.

— Ладно, проехали. Что там за условия? «Собрать урожай тыкв с огорода, не менее сорока двух штук, использовать в последнюю ночь октября».

— Как использовать? — уточнила подруга. — Сварить тыквенный суп и раздать бедным?

— Написано: «подробнее смотри в книге-чудеснице».

Я заглянула в конверт — пусто. Где эта книга?

— Выбрось каку, — посоветовала Юля. — Кто-то решил поглумиться.

— А вот смотри, последний пункт, наверное, самый важный, написан большими буквами: «Принять участие в шабаше ведьм, надев ведьмин кулон. — Подчеркнуто. Схему прилета смотри в книге-чудеснице». Где эта книга? Я ее хочу! Похоже, там ответы на все вопросы. И что за кулон?

— А метлой, надо полагать, тебя обеспечат. — Юлька села за стол, подвинула ко мне тарелку с сырниками, плюхнула сбоку кляксу сметаны.

— Пункт два. «Кормить кота».

— Без кота честной ведьме никак, — согласилась Юля. — Ешь давай, пока не остыло.

— Не хочется, — вздохнула я, окинула взглядом список. — Понимаешь, когда я прочитала эти строки — «передаю все имущество, в том числе дом», — у меня мозги напрочь отшибло. Такая эйфория охватила! Это было бы решением всех моих проблем.

— Да, как-то подозрительно вовремя это, — заметила Юля. — Может, твоя Наталья Борисовна балуется?

— Если так, то она окончательно свихнулась, — пробурчала я, вставая из-за стола.

— И что теперь? Голодать из-за нее?

— Да все в порядке. Нет аппетита. Бомж и вурдалак как-то не способствуют, — кивнула я, указывая на стену. — Знаешь, а ведь моя мымра на твоем таланте может состояние сколотить. Будет сдавать квартирку желающим похудеть.

Я ушла в комнату. Одежда, не уместившаяся в чемодане, лежала на кресле, книги ровными стопочками перекочевали на стол, в пластиковом контейнере устроились свежие кусочки мыла, каждое завернуто в отдельный лоскуток ткани. Что бы я делала без подруги? Я уселась у раскрытого ноутбука, тайком обернулась на дверь, и ввела в поисковик адрес.

Как и ожидалось, Чертополохового переуллка не нашлось.

Юлька уехала в общежитие готовиться к семинарам, а я провела день в бытовых хлопотах: собрала вещи, устроила большую стирку, разморозила холодильник. Вымотавшись за день, почти забыла об утреннем происшествии.

Вечером забралась в ванну, от души добавив туда пены. Откинула голову, прикрыла глаза, наслаждаясь успокаивающими ароматами бергамота и можжевельника. Розыгрыш с на-

следствием замаячил на задворках сознания. Если бы не мои глупые надежды, я бы сразу поняла, что с Эльвирой Протосовной что-то не так. Да у нее даже компьютера на столе не было!

И все же, все же, как бы мне хотелось перебраться из съемной квартиры в собственный дом! Стены из бруса, красная черепица, у крыльца кусты пиона с маленькими розовыми тычковками бутонов... Так, не надо про тыквы. Пусть у крыльца будут ромашки, а еще мята. Удобно — вышел на крыльцо, нарвал для чая или мохито... На деревянной двери бронзовый молоток для гостей, ненавижу, когда трезвонят. Пушистая серая кошка ждет меня на подоконнике, таращась в окно желтыми глазницами. Я вздрогнула и открыла глаза. Кошка в моем воображении получилась тощая и злая, как собака. Я села, подтянула колени к груди. А вдруг есть крохотная вероятность, что наследство — настоящее? Вдруг так карты сошлись, что моя далекая чокнутая бабка нашла такого же чокнутого нотариуса? Может, они были подругами, вместе ходили на собрания-шабаши анонимных ведьм, где ели тыквенный суп-пюре и обсуждали нелетную погоду. Тогда где-то в доме номер один в Чертополоховом переулке сидит голодный кот и ждет, когда же наследница явится выполнять пункт номер два — кормить кота.

Я вылезла из ванны, намазалась кремами с головы до пят. Волосы сушить не стала, вечное проклятие кудрявых: пересуердствуй с феном, и получи копну на голове в подарок. Вместо этого помяла влажноватые пряди с муссом для укладки, разобрала волосы пальцами. Надев халат, вернулась в комнату и, забравшись с ногами на диван, взяла злополучный конверт. Я вынула лист, повернула другой стороной... и замерла, глядя на карту. Чертополоховый переулок все же есть!

Я шагала по узкой улочке в историческом центре города. Желтые пятна фонарей отражались в лужах, мокрая брусчатка влажно блестела, как рыба чешуя. Я заглянула еще раз в карту, начертанную уверенной рукой. По всему выходило, что Чертополоховый переулок начинается от перекрестка улиц Красивая и Каштановая. Я вышла на указанный перекресток, повертела головой по сторонам. Живописные пешеходные улочки днем расцветали кафешками, любимыми молодежью, здесь часто выступали уличные музыканты, на лавках и прямо

на бордюрах устраивались художники. Сейчас только ветер играл с конфетными фантиками да ворошил окурки.

Я поежилась, натянула поглубже шапку, пряча сырые волосы от ночной прохлады. Никакого переулка нет. Значит, все-таки розыгрыш. Я испытала странное чувство облегчения и разочарования, скомкала листок с картой и собиралась выбросить его в урну, когда мой взгляд упал на рыцарские доспехи, выставленные на углу возле маленького ресторанчика на потеху публике. Рыцарь был укомплектован по полной программе: набрюшник, наколенники, наплечники и прочее, вот только наголовника, то бишь шлема, не было. У меня даже фото есть, где я стою за этими самыми доспехами, подставив вместо отсутствующей рыцарской головы свою. А сейчас над широкими плечами рыцаря, прикрытыми плетеным кольчужным воротом, сияли два желтых глаза.

Я издала тихий сдавленный писк, а потом разглядела кота. Он сидел на плечах рыцаря, сливаясь с ночным мраком; две маленькие желтые луны гипнотизировали меня. Кот вдруг враждебно зашипел на меня, продемонстрировав сломанный клык, спрыгнул с доспехов и юркнул в узкую арку за спиной рыцаря. Стоп! Какая еще арка? Здесь только что была сплошная стена!

Я шагнула за ускользящим черным хвостом, протиснувшись в щель, над головой в лунном свете голубовато блеснула табличка «Чертополоховый пер.». Кот перемахнул через низенький забор и исчез во дворе. Деревья шептались на ветру, пахло прелыми листьями, луна выставила из-за тучи бледную щеку, и дом вырос прямо передо мной.

Я вцепилась пальцами в деревянные штакетины, потянулась вперед, жадно впитывая детали: стены из бруса, мансарда, над дверью полукруглое витражное окно, на крыше флюгер — женская фигурка верхом на метле. Луна натянула на себя покрывало облаков, и дом словно отступил во тьму. Я выдохнула, разжала пальцы. У меня появилось ощущение, что теперь дом всматривается в меня, осторожно примеряет к себе.

— Я вернусь завтра, — пообещала я. — И мы с тобой познакомимся.

К Эльвире Протосовне я завалилась без стука, бесцеремонно села на край стола, щелкнула пальцами по металлическим шарикам-маятнику.

— Я жажду подробностей, — сообщила я. — Что за ведьмино наследство? Имеет ли какую-нибудь юридическую силу эта бумажка? — Я швырнула помятый листок бумаги на стол. — Что вообще происходит?

Эльвира подняла на меня глаза, рыжие пружинки ее волос вдруг зашевелились, приподнялись, и я аккуратно сползла со стола.

— Доброе утро, Василиса Егоровна, — ответила она, чеканя слоги под равномерный стук шариков. — В документе все написано: ваше наследство — это дом с прилегающим участком, самоходная ступа, а также мебель, домашние питомцы и все прочее, что находится в доме.

— Это же бред, — возразила я. — Моя бабка была не в себе? Старенькая совсем была, наверное.

— Она достаточно пожила, — уклончиво ответила Эльвира Протосовна, — но уверяю вас, сохранила острый ум. Что касается юридической силы документа, поверьте, ваше наследство никто оспаривать не будет. В ваш дом никто не попадет без вашего позволения.

Ваш дом... Слова прозвучали музыкой. Я вспомнила витраж над дверью и запах листьев.

— Так вы согласны? — спросила Эльвира. В глубине карих глаз загорелись белые огоньки, они кружились по спирали, рассыпаясь искрами, затягивая в темную глубину, и я медленно кивнула. — Тогда распишитесь вот здесь. — Голос Эльвиры прозвучал будто из тоннеля, отозвавшись в ушах гулким эхом. — Нет, ручка вам не нужна.

Я почувствовала легкий укол, потом мой палец прижали к листу.

— Поздравляю! — Меня вышвырнуло из водоворота, я ошарашенно осмотрелась, инстинктивно потянула в рот уколотый мизинец. Капля крови алой бусинкой набухла на подушечке пальца. — Теперь вы можете ознакомиться с вашим наследством. — Эльвира брякнула о стол связку ключей. Я сгребла ее, сунула в задний карман джинсов.

— И вот еще — подарок Маргариты Павловны. — Она протянула кулон, качающийся, как маятник, на тонкой серебряной цепочке. В крупном черном камне вспыхивали красные искорки. — Берегите его, он вам пригодится. Именно его вы должны надеть на шабаш.

Я спрятала ведьмин кулон в рюкзак, пошла к выходу.

— И не забудьте, Василиса Егоровна, наследство станет вашим через год, если вы выполните все условия договора.

Последние слова прозвучали уже из-за двери. Я вышла на улицу, майское солнышко окутало меня теплом, и я словно оттаяла. Поднесла к глазам бумажку — договор на пользование имуществом. Внизу листа увидела кровавый отпечаток мизинца. Что это было? Гипноз? Я рухнула на ближайшую скамейку, поморщилась и вынула из кармана ключи, больно впившиеся в кожу. Связка была тяжелой и чуть теплой. Один ключ отливал бронзой, головку в форме ромба покрывала хитрая вязь, два желобка шли по штоку, переплетаясь друг с другом, на бородке по обеим сторонам торчали треугольные зубчики. Второй оказался совсем простым: кольцо головки, гладкая ножка и прямоугольный хвостик. Таким мама закрывала одежный шкаф. Она прятала ключ в хрустальной вазочке в серванте, и я всегда клала его на место, перемерив мамин гардероб. От третьего ключа я отдернула руку — он был холодным и немного влажным. Острые черные зубцы покрывали длинный шток, скалясь во все стороны, прямоугольная головка заржавела. По-видимому, этим ключом бабка-ведьма пользовалась очень редко.

От созерцания ключей меня отвлек звонок мобильного. Я вздохнула, увидев имя, и обреченно поднесла трубку к уху.

— Доброе утро, Наталья Борисовна.

— Кому как, — глумливо ответила хозяйка. — Я смотрю, ты тут уже и вещи собрала.

Я поморщилась, представив, как она ходит по квартире, заглядывает в чемоданы, трогает мою одежду.

— Вы не оставили мне выбора.

— Ой-ой-ой, для такой квартиры, да еще в центре, прекрасная цена. — Она шумно втянула воздух, и я поняла, что она нюхает мое мыло.

— Квартира стала прекрасной после того, как я привела ее в божеский вид.

— Ну так и нанялась бы еще куда полы мыть по вечерам, ты же девка здоровая, как раз и деньги бы на съем... — Она запнулась и после паузы завопила: — А это еще что?!

Я нажала на отбой. Похоже, она увидела Юлькину фреску. Надо спешить, пока мои вещи не вылетели из окна.

Уезжала я с шумом и помпой. Наталья Борисовна грозила мне страшными карами, взывала к совести, требовала вернуть все как было.

— Это как? — осведомилась я, затаскивая чемоданы в лифт. Хозяйка квартиры была так любезна, что выставила их на лестничную площадку еще до того, как я пришла домой. — Может, снова наклеить обои цвета соплей?

— Зеленый успокаивает!

— Вам бы не помешало, — согласилась я.

Она выдрала у меня из рук ключи от квартиры и гордо удалилась, бухнув за собой дверь.

Я спустилась во двор, в несколько заходов перетащив чемоданы к лавочке, вызвала такси. Дяденька-таксист любезно утрамбовал мой скарб в багажник, уселся за руль.

— Куда едем?

— На пересечение Красивой и Каштановой.

Я несколько раз порывалась позвонить Юльке, но в конце концов спрятала телефон поглубже в рюкзак. Она бы меня в два счета отговорила. Я боялась, что если сейчас не поеду в Чертополоховый переулок, то дом растает, как сон. А вдруг он мне привиделся ночью? Я испугалась до холода в груди, сжала в руках связку ключей, как талисман. Нет, не может быть. Моего воображения не хватило бы на витражи и флюгеры, это по Юлькиной части. Я нащупала на дне рюкзака кулон, достала его. Крупный овальный камень был темен, как безлунная ночь. Казалось, он поглощает свет, даже в салоне такси будто бы потемнело. Я спрятала украшение поглубже в рюкзак — носить подарок бабули совсем не хотелось.

— Где вас высадить? — спросил таксист, глядя на меня в зеркало заднего вида.

— А вот прямо здесь, — ответила я, завидев знакомые доспехи.

Пока дядька вынимал мои чемоданы, я пыталась разглядеть арку за рыцарем, но солнце нещадно светило, и доспехи сияли так, что было больно глазам. Я расплатилась, подтащила вещи к рыцарю и замерла. Арки не было. Передо мной стояла кирпичная стена без единой трещинки. Я чуть не расплакалась. И что теперь делать? Биться об нее с разгона, как на платформе девять и три четверти?

Я подошла вплотную к рыцарю, ключи тихо звякнули в руке, и стена вдруг поплыла. Кирпичи стали полупрозрачными,

будто нарисованными на целлофане, дрожащем на свежем майском ветру. Люди вокруг замедлились, их движения стали тягучими, мальчик на роликах скользил вперед как улитка, завязшая в киселе. Я шагнула назад, и мальчишка вихрем промчался мимо, стена снова стала сплошной. Шаг вперед — и мир застыл. Я подтащила чемоданы вплотную к рыцарю, по одному перебросила их в арку и шагнула следом.

Я поплелась по узкой тропинке, цепляя на чемоданы репы. Обернулась — арка никуда не подевалась, вытянутый проем виднелся в кустах чертополоха, до меня доносился людской гомон. Во внутренний дворик, куда я попала, не выходила ни одна дверь. Стены домов очерчивали ровный прямоугольник, внутри которого спряталась моя избушка. Интересно, что думают о ней соседи?

В окне на первом этаже появилась девушка. Она поливала цветы из пластиковой бутылки и отрешенно смотрела прямо на меня. Я видела розовый страз сережки в ее носу, размазанную тушь под левым глазом, красное пятно на белой майке, прямо на животе, наверное, капнула вареньем. Я помахала ей рукой, но девушка никак не отреагировала. Она посмотрела на безоблачное небо, улыбнулась и скрылась в комнате. Она не видела меня, не видела дома. Кто знает, что за картинка стояла у нее перед глазами, может, глухая кирпичная стена, как позади рыцаря?

А ведь все это существует на самом деле: и наследство бабки-ведьмы, и гипно-нотариус Эльвира, и таинственный проход в невидимый двор. Вдохнув побольше воздуха, я повернулась к дому. Он не растаял и не испарился: рыжеватые деревянные стены, черепичная крыша, в траве россыпь одуванчиков. Калитка в низеньком заборчике, скрипнув, отворилась. Я не нашла на ней ни шпингалета, ни крючка. Бросив чемоданы прямо на одуванчики, поднялась на крыльцо. На витраже над дверью висел серебристый месяц в звездной пудре. Три ступеньки вели к деревянной двери с бронзовым молотком. Я тихонько постучала, прислушиваясь. Подергала ручку двери — заперто. Простенький ключ вошел в замочную скважину как по маслу, повернулся, и дверь в мой дом открылась.

Под ноги бросилось что-то черное, я отшатнулась, едва не свалившись со ступенек. Кот запрыгнул на забор, зашипел на меня оттуда, выгнул спину и убежал прочь, задрав хвост.

— Я смотрю, мне здесь рады, — пробормотала я и вошла в дом, озираясь по сторонам.

В доме царили сумерки. В тонких полосах света клубились пылинки, половицы под ногами тихо скрипели. В прихожей на одноногой вешалке уныло поникло зеленое пальто, бордовый шарф высунулся языком из рукава. Две пары калош резко контрастировали с алыми длинноносыми сапожками. Металлическая лестница спиралью закручивалась на второй этаж, но я решила оставить мансарду на потом. Я прошла в комнату и в ужасе застыла на пороге, осторожно шаря рукой в поисках чего-нибудь тяжелого.

На меня скалился огромный волк. Длинные клыки торчали из-под вздернутой губы, нос сморщился. Волк стоял, припав на передние лапы, готовясь к прыжку. Я кинулась за вешалку, схватила сапожок, выставив вперед острый каблук. Волк даже не пошевелился. Я выглянула из-за вешалки, подумав, швырнула в него сапожком. Тот отскочил от головы зверя, шлепнулся на пол. Волк по-прежнему стоял неподвижно. Я осторожно подошла ближе, волк пялился в сторону прихожей. Чучело!

Я облегченно вздохнула и осмотрелась. Теперь я точно поверила, что попала в дом ведьмы. Деревянные стены были увешаны гирляндами из сушеных лягушек, вязанки трав источали тяжелый горький запах. Все было уставлено оплавленными свечами: длинный скобленный стол, подлокотники кресел, каминная полка, на черном полу белели потеки воска. С потолочных балок свисали крюки, о назначении которых не хотелось думать, тяжелая кованая люстра заросла паутиной.

— Миленько, — пробормотала я и решительно отдернула шторы. Атмосфера ужаса слегка рассеялась, я прикинула, что потребует самых больших усилий по приведению в божеский вид, и первенство безоговорочно получил черный от сажи котел, висящий в камине размером с пещеру.

В углу, куда солнечные лучи не доставали, спрятался террариум, покрытый изнутри зеленоватым налетом. Я наклонилась поближе, едва не ткнув носом в стекло, и встретила взглядом с желтыми кругляшами с вертикальными прорезями зрачков. Жаба, огромная, как ведро, пристально пялилась на меня через мутное стекло. Еще одно чучело? — успела подумать я, когда жаба надула щеки двумя желтыми пузырями, внутри у нее заклокотало, захрипело, глаза выпучились, а потом жабу вырвало горстью золотых монет. Она

быстро-быстро загребла перепончатыми лапами к себе, пока не собрала все монетки под бледное брюшко, плюхнулась сверху и воззрилась на меня с невозмутимым видом.

Я всхлипнула и лихорадочно стала рыться в рюкзаке. Слава богу, здесь есть мобильная связь! Я ткнула в кнопку быстрого набора и с облегчением услышала голос подруги:

— Вася, я уже собиралась сама тебе звонить...

— Можешь приехать прямо сейчас? Уровень тревоги... Блин, Юля, только что на моих глазах жабу вырвало золотыми монетами!

— Ты где?

— В своем доме.

Я встретила Юльку возле рыцаря, схватила за руку, потащила за собой.

— Куда? — только и успела вскрикнуть подруга, как мы оказались в арке. Хорошо, что я сильнее, иначе так и топтались бы у кирпичной стены.

— Вот, — указала я на дом. — Видишь?

— Он настоящий! — ахнула Юлька и обернулась назад. — Ты протащила меня сквозь стену!

Я лишь махнула рукой, расплывшись в счастливой улыбке. Больше всего я боялась, что дом существует только в моем воображении. Но раз Юлька тоже его видит, то сдаваться санитарам рано.

— Пойдем, ты офигеешь!

— Да я уже, — пробормотала Юля, но послушно пошла за мной.

— Волк не живой, — бросила я через плечо, — не пугайся.

Мы вошли в дом, и Юля замерла. Ее и без того большие глаза расширились, загорелись восторгом.

— Вася! Это просто потрясающе! — Она бегала по комнате, трогала камин, продавленные кресла; поскребла ногтем воск на полу. — Какой аутентичный дизайн! Ты только взгляни на эти балки!

Я посмотрела вверх, увидела под потолком гроздь дохлых летучих мышей, и быстренько отвела глаза. Юлька остановилась у террариума. Жаба подгребла под себя лапы, сильнее прижалась пузом к дну, так что, как назло, не было видно ни одной завалящей монетки.

— Ладно, с этим потом разберемся, — сказала Юля. — Я читала, бывают галлюциногенные жабы. Ты ее, часом, не облизывала?

— Конечно, облизывала, — согласилась я. — Ты ж меня знаешь — хлебом не корми, дай только жабу облизать. Вот как вижу незнакомую жабу, так сразу слюнки текут.

— Амфибрахий, — прочитала Юля табличку в углу террариума. — Вот и познакомились.

Подруга ткнулась в узкую дверь в углу, за которой оказалась до обидного обычная кухня: дубовые шкафчики, овальный стол, под одной ножкой которого для устойчивости лежала тонкая книжка, на стене календарь за прошлый год с Валерием Леонтьевым в сетчатой майке, в углу гудел двухметровый холодильник. Я с опаской заглянула туда, но нашла только заплесневелый кусочек сыра да твердую как камень палку салами. Плита выглядела старомодной, с латунными ручками и тяжелой решеткой над газовыми конфорками, духовка оказалась идеально чистая.

— Наверное, бабка в основном котлом в зале пользовалась, — сказала я. — Выкинуть его надо, там слой копоти в полметра.

— Ты что? — возмутилась Юля. — Ты же теперь наследная ведьма! В чем будешь варить свои колдовские снадобья?

Я заметила у стены под окном пустую тарелку.

— Кота надо покормить! — вспомнила я.

— У меня сметана есть, — сказала Юлька, снимая с плеча сумочку. — Я как раз из магазина выходила, когда ты позвонила. Еще булочки с изюмом и шоколадка.

Я сполоснула тарелку над латунной раковиной, вода текла вполне чистая и теплая. Рядом стояло початое средство для мытья посуды. Поставив тарелку на пол, положила в нее сметаны. Кот материализовался из приоткрытой форточки и, отодвинув черной башкой мою руку, принялся вылизывать сметану, жадно чавкая. Запавшие бока вздрагивали, порванное левое ухо развернулось в мою сторону.

— Кота уже назвала?

Я покачала головой, потянувшись погладить питомца, тот яростно зашипел, ударил меня лапой, оставив на кисти три алые царапины.

— Ёшкин кот! — завопила я, отдергивая руку.

— Как вариант, — кивнула Юлька. Она споро вытащила из сумочки маленький стеклянный флакончик, зубами выдернула пробку и плеснула содержимое на мои свежие царапины.

Я ахнула, замахала рукой.

— Надо ведь было продезинфицировать, — рассудительно заметила подруга.

— Что это? — прошипела я сквозь зубы.

— Духи, всучили пробник. Кажется, «Нина Риччи».

— Приятный аромат, — принюхалась я.

Кот запрыгнул на подоконник, повернул ко мне морду, перепачканную в сметане.

— Отойду-ка я, от греха подальше, — пробормотала я. — Вот так его и назову — Грех. Черный и страшный.

Кот фыркнул и принялся умываться. Похоже, он недостаточно меня уважал, чтобы отзываться, какое бы имя я ему ни придумала.

Мы вернулись в прихожую, обойдя чучело волка по широкой дуге, поднялись по спиральной лестнице, гулко топая по железным ступеням. В мансарде оказалось еще три комнаты. Я, на правах хозяйки, выделила для себя самую большую. Если выбросить — а лучше сжечь — красные бархатные шторы с золотыми кистями и жуткий балдахин над кроватью, на который осело пару мешков пыли, то жить можно. Вторую комнату я определила Юле. Там было относительно миленько: ни жаб, ни летучих мышей. В углу приткнулся безликий коричневый диванчик, стол, погребенный под книгами, стоял у полукруглого окна эркера.

— Лунные дни огородника, — прочитала Юля название книги. — Тебе пригодится, тыквы выращивать.

— Далеко не прячь, — кивнула я. — Поищи там что-нибудь про котов. Как воспитать кота и не прибить его тапкой. Заставь кота уважать себя.

— Есть только книга по таксидермии, — предложила подруга.

— Нет уж, хватит с нас волка. Выглядит как живой! Меня чуть удар не хватил!

Третья комната оказалась самой настоящей лабораторией: всюду склянки, банки, колбы и реторты, полки уставлены плоскими и чугунками. Я с интересом перебирала деревянные ступки с измельченными травами, нюхала тягучие масла в крохотных пузырьках.

— Вася! — воскликнула Юля из-за двери. — Я переезжаю к тебе!

Я прибежала на крик подруги и замерла на пороге самой шикарной ванной, которую я когда-либо видела. Бассейн, выложенный мозаичной плиткой, переливался всеми оттенками синего цвета, душевая кабина была больше, чем кухня, разрисованная Юлей на съемной квартире.

— Ради такого я сама эти тыквы посажу, — пообещала Юля. — И буду их полоть и поливать, и что там еще надо делать с тыквами...

— Окучивать?

— Как скажешь.

— Там еще куча условий.

— Ни слова больше! — Юля прижала палец к моим губам. — Все детали потом. А сейчас будем праздновать!

Мы сходили в магазин, который был совсем рядом с домом, купили закуски и вино. Я уверенно прошла через арку, и тут услышала недоуменный Юлькин вопль. Она стояла у входа, потирая ушибленный лоб. Я протянула руку, взяла подругу за шиворот и втащила в подворотню.

— Без тебя не войти, — поняла она.

— Может, со временем дом и тебя признает за хозяйку, — понадеялась я. — Или придется мне каждый раз тебя встречать. Хорошо хоть мобильник ловит.

Мы откупорили бутылку вина и переходили с бокалами из комнаты в комнату, делясь открытиями. В кладовке я нашла ступу, в которой мы легко поместились вдвоем, но она никак не хотела взлетать, несмотря на все наши «абракадабра», «фокус-мокус» и «вира-майна». Мы по очереди примеряли старую шляпу колпаком, съезжали на скорость по перилам лестницы и спорили, кому целовать Амфибрахия, который нервно трясся на горке монет. Потом мы перебрались в мою спальню, устроились на кровати, сдернув балдахин на пол и застелив чистое белье. Я зачитывала условия договора, скрепленного моей кровью.

— «Заработать колдовством не менее тридцати золотых за год», — прочитала я. — Это как? Я колдовать не умею.

— Слушай, надо тебе снова навеститься к этой Элеоноре Портосовне, — пробормотала Юля, откидываясь на подушки. — Пусть объяснит толком, что к чему.

— Она жуткая, — сказала я. — У нее волосы шевелятся, будто змеи у горгоны Медузы. И белые огоньки в глазах.

— Все равно сходи, я настаиваю. Она обманом заставила тебя подписать договор. Так нечестно!

— Все вроде неплохо вышло, — легкомысленно ответила я. — У меня теперь есть двухэтажный дом в центре города, с участком.

— Бесплатный сыр, — сказала Юля, подливая вино в бокалы.

— Но и я не мышка, — возразила я. — Вот один пункт меня всерьез волнует: «Ежемесячно выполнять договор с инкубом». Инкуб — это демон?

— Вроде бы, — задумалась подруга. — Вот и спросишь, что за договор. По каждому пункту надо пройтись. — Она ткнула в середину листа: — Смотри в книге-чудеснице. Где эта книга? Почему не выдали?

— Как думаешь, я тоже этого... того?

— Ведьма? — спросила Юлька. — А то! Видела бы ты себя, когда мыло варишь, — сплошное колдовство.

— Я серьезно.

— А помнишь, как ты боялась политологию сдавать, а преподаватель с гриппом слег, и у вас аспирант принимал? Или как Варька-стервозина прямо перед тобой споткнулась и в лужу грохнулась? А еще ты ешь в три горла и не толстеешь.

— И все это потому, что я ведьма?

— Нет, конечно, — сонно улыbnулась подруга. — Препод подхватил вирус, Варька — корова, а не толстеешь, потому что фитнесом занимаешься и наследственность хорошая.

— Так я ведьма или нет?

— Да забей, — махнула рукой Юлька и отвернулась, удобно устроив голову на подушке. — Если захочешь — будешь ведьмой. Тебе идет черный цвет, особенно с алой помадой... Там видно будет. Утро вечера мудренее.

Проснулась я от того, что кто-то со всей дури колотил в дверь. Каждый удар отзывался в голове тупой болью, и казалось, что стучат прямо в моей черепной коробке.

— Да иду уже! — крикнула я и поморщилась от собственного голоса.

Я спустилась по лестнице, протопала на стук и наткнулась на запертую заднюю дверь. Я вернулась в прихожую, нашари-

ла ключи в рюкзаке, висящем на вешалке, и поспешила назад. Стук не прекращался. Маленький ключик не подошел, я сунула в замочную скважину бронзовый ключ и поскорей распахнула дверь, чтобы избавиться от ужасного грохота.

И замерла. Передо мной стоял высокий мужчина с русой бородой, мышцы плеч бугрились от напряжения под полотняной рубашкой и кольчужной жилеткой. Он держал на весу длинный блестящий меч, в котором я, скосив глаза, увидела собственное отражение: волосы сбились и стояли кудлатой башней, как у Мардж Симпсон. Я запоздало поняла, что не смогла найти в чемоданах сорочку, поэтому стою сейчас перед незнакомым мужиком в длинной майке, едва прикрывающей попу, с надписью «улетная девчонка».

Мы продолжали молча разглядывать друг друга. Я разумно решила, что лучше предоставить право слова мечнику, а то ляпну чего-нибудь не того — и голова с плеч.

— Ведьма! — воскликнул он.

— Где? — Я испуганно обернулась.

Мужчина опустил меч, скользнул по мне взглядом, смущенно отвел глаза.

— Позволишь войти? Я воевода Ярополк Всеволодович. По царской воле слежу за порядком в наших краях.

Я услышала легкие шаги позади себя, из-за плеча выглянула Юлька.

— Ой, это вчерашние стриптизеры? — обрадовалась она. — Мы все же их заказали? А то я смутно все помню...

Позади воеводы топтались два рослых парня, жадно разглядывая наши с Юлькой фривольные наряды. Она, в отличие от меня, сумела найти, что надеть, и теперь щеголяла в моем желтом халате.

И тут я поняла, что кирпичные стены домов вокруг двора исчезли. За забором стелился сочный луг, солнце висело над ельником, окаймлявшим горизонт, справа, внизу холма, как шляпки грибов выглядывали деревянные крыши избышек. Петух прокукарекал совсем рядом, и мы с Юлькой синхронно поморщились. Я увидела во дворе колодец и указала на него воеводе:

— Водички принесешь?

Ярополк нахмурился, спрятал меч в ножны, закатал рукава и взялся за ворот. Люблю смотреть, как люди работают, осо-

бенно так споро и ладно. Воевода притащил ведро, без подсказки повернул на кухню.

Мы с Юлей гуськом прошлепали следом, зачерпнув воду из ведра, жадно приникли к чашкам.

— Меня Василиса зовут, — представилась я, вытирая губы. — Я здесь новенькая, только вчера наследство получила.

— Да вся деревня ваш шабаш слышала, — хмуро сказал Ярополк. — Я поэтому и приехал.

— Какой еще шабаш? — возмутилась Юля.

— А я тебе говорила — не ставь Бибера. В общем, ошибочка вышла, — сказала я. — Нету тут ведьм. Мы обычные девушки.

— Обычные девушки ведьмины избы не наследуют, — возразил воевода. — Не отнекивайся, Василиса, я тебя, ведьму, сразу почуял — сердце колотится, как в припадке, нутро плавится.

Юлька захихикала, но получив от меня локтем в бок, заткнулась.

— Я к твоей тахикардии не причастная, — ответила я. — И вообще, чего надобно?

— Порядок такой: ведьма должна присягнуть царю на верность, служить верой-правдой... или хотя бы не сильно пакостничать. К тому же беспокойно в царстве, из Сумеречного леса то и дело темные твари выбирают... Подсобила бы?

— Это как? — опешила я.

— Разные могут быть варианты, — задумался Ярополк. — К примеру, сов-разведчиков запустить хорошо бы, или такое зелье сварить, чтобы наши воины непобедимыми стали. Со старой ведьмой мы ладили. Хоть и мерзкая была бабка, а все же можно было договориться.

— А мне какая выгода вам помогать?

— Мы, к примеру, за это не будем тебя сжигать.

— Умеешь ты убеждать, Ярик, — вздохнула я. — Расскажи еще про бабку, — попросила я, усаживаясь на стул. — Какая она была?

— Старая, страшная, злобная ведьма. — Каждое слово припечатывало, как приговор.

— Как она умерла?

— Ее нашли в огороде, уже холодную. Может, сердце прихватило, да и старая она была, лет триста тут жила. Две недели назад похоронили. На церковное кладбище поп не пустил, так что могилка возле леса, под ивой у пруда.

Светло-голубые глаза Ярополка уставились на мои голые ноги, и я рефлекторно натянула майку ниже, прикрыв колени, но вырез в итоге растянулся едва не до пупка. Воевода вскочил, чуть не опрокинув стул, и поспешил к входной двери.

— Ты осваивайся, Василиса, и если что надобно будет, то я тут, в деревне. Только сама долго по округе не гуляй, сразу ко мне иди, спросишь воеводу, меня все знают. А то ведьм в деревне не особо любят.

— Приятно было познакомиться, — выкрикнула в широкую кольчужную спину воеводы Юлька. — Хорошенький, — добавила она, когда дверь с грохотом закрылась. — Глазки такие красивые.

— Симпатичный. — Я набрала еще водички из ведра. — Вкусная! А холодная — аж зубы сводит.

— Побрить бы его еще...

— Нашла о чем думать! — запоздало возмутилась я. — У нас тут проход в другой мир открылся, а ты — побрить, хорошенький! Видела бы ты, как он на меня мечом замахивался! Хорошо, я с похмелья тупила, а то не было бы у тебя подружки.

— Ладно, помнится, вчера у нас созрел план: позвонить нотариусу и потребовать объяснений. Похоже, она единственная в курсе двух миров и всех этих условий про тыквы.

Я сходила за мобильником, нашла номер в памяти.

— Алло, Элеонора Портосовна, — сказала я в трубку. — То есть Эльвира Протосовна. Это Василиса...

— Говорите. — Если бы голосом можно было заморозить, я бы уже упала на пол и разбилась на миллионы ледяных осколков.

— У меня появились вопросы по поводу наследства. Могли бы вы кое-что разъяснить?

— Консультация — пять золотых за час.

— Сколько? Это по какому курсу?

— В рублях я консультирую только по делам техномира.

В трубке раздались короткие гудки. Я нажала на отбой и пошла в комнату. Жаба в террариуме словно почувствовала, что пахнет жареным — повернула голову, вжалась влажными телесами в пол.

— Нам надо раскулачить Амфибрахия, — твердо заявила я.

Я натянула желтые резиновые перчатки едва не до локтей, нацепила на нос очки для плавания.

— Тут пишут, что железы жаб впрыскивают яд, только если хищник их прокусит, — прочитала Юлька с ноута. Она встала рядом со мной и раскрыла сиреневый зонтик, я покосилась на нее с недоумением. — Но лишняя осторожность не помешает.

Прячась за Юлькиным зонтиком, я опустила руки в аквариум, сжала влажные бока Амфибрахия, пальцы погрузились в вялую тушку. Я попробовала приподнять — не тут-то было. Амфибрахий будто приклеился к полу, уперся кривыми лапами, как бульдог.

— Попробуй его спихнуть, — посоветовала Юлька. — Подтолкни под попу.

Я попыталась засунуть руку под жабу, выскрести монетки, но Амфибрахий вдруг надулся, в шее у него что-то заклекотало, и я в испуге отдернула руки.

— Он весит килограммов двадцать, — пожаловалась я. — И ластами держится.

— Давай лопатой подковырнем, — предложила Юля.

— Пораним еще. Он только с виду грозный, а так мягонький. Да и в условиях было что-то про жабу.

Юлька сбегала в спальню, принесла листок.

— «Пятый пункт, — прочитала она. — Кормить златоносную жабу по четным дням, десять червей не менее вершка длинной». А ведь сегодня шестое!

Червей я нарыла в навозной куче за сараем. В этом мире у меня был сарай, заваленный всяким барахлом, вниз по холму сбегал заросший бурьяном огород, упираясь в частокол, увешанный чугунками, сирень у дома цвела предгрозовым облаком.

Я опустила червей в мисочку в углу террариума, поставила рядом плошку с чистой водой и ушла на кухню под пристальным взглядом Амфибрахия, а за углом присела и на четвереньках вернулась назад в комнату, держась ниже террариума, стоящего на приземистом колченогом столике. Жаба некоторое время сидела без движения, потом поковыляла к тарелочке.

— Давай! — взвизгнула Юлька, стоящая на стреме на лестнице в прихожей.

Я подскочила, запустила руку в террариум, сгребла горсть монет и отпрыгнула в сторону. Амфибрахий метнулся назад, упал на кучку золота, растопырив лапы, червяки расползлись из тарелки по всему террариуму.

— Ну что, сколько там? — приплясывала от нетерпения Юля.

— Семь, — пересчитала я монетки. — Прости, бро, мне это правда было нужно.

Жаба презрительно отвернулась. Длинный язык розовой молнией выстрелил в червяка.

— Он утешится, — успокоила меня Юля.

Юлька отправилась в общежитие за вещами, я взяла с нее клятву, что одну она меня здесь не бросит. А я шаталась по дому, прибирая следы вчерашнего шабаша. На столе высилась горка мандариновых шкурок, пол усыпали фантики от шоколадных конфет. Чучело волка обзавелось веночком из привядших одуванчиков. Я стянула венок, бросила его в мешок для мусора, отряхнула макушку волка от сора и, заметив какое-то движение, склонилась ниже, развернула шерсть. Блохи бросились врассыпную под моими руками. Я взвизгнула, отскочила в сторону и, схватив рюкзак, выбежала из дома.

Вернулась я с тремя флаконами шампуня из зоомагазина. Поразмыслив, обвязала волка бечевкой под передними лапами, потащила вверх по лестнице волоком, стараясь не обращать внимания, как гулко стучит голова зверя по ступенькам. Я поставила чучело в душевую кабину, включила теплую воду и, надев злополучные желтые перчатки, принялась мылить густую шерсть. На глаза наворачивались слезы то ли от жалости, то ли от брезгливости, то ли от едкого звериного запаха. Я старалась не смотреть на слив, где в грязной пене кишели паразиты. Похоже, я застряла в ванной надолго.

Там Юля меня и застала.

— Представляешь, арка меня пропустила, — сказала она, крутя на пальчике ключи от дома, которые я ей вручила перед выходом. — То ли дом признал меня за свою, то ли ключи так работают. А ты что делаешь? Разве это было в условиях — банные процедуры для чучела?

— Нет, — ответила я, прилаживая к голове волка козырек на резинке, в котором я любила кататься на велосипеде. — Это чисто моя инициатива.

— А кепка зачем?

— Чтобы мыло в глаза не попало, — ответила я.

— А чучелу не все равно?

— У него блохи. Он живой.

Я в очередной раз смыла пену с боков волка и, будто в подтверждение моих слов, почувствовала, как под руками бухнуло сердце.

Юлька ахнула, прижала руку ко рту.

— Боже мой! Ведьма его заколдовала?

— Похоже, что так. Представляешь, какая мука? Он стоит тут неизвестно сколько и даже не может почесаться!

Я распрямилась, держась за поясницу.

— Слушай, Юля, поищи, пожалуйста, в чемоданах мое масло с календулой.

Подруга быстро вернулась с бутылочкой, в которой перетекала янтарная жидкость. Я обильно смочила густую шерсть, стараясь втирать масло поглубже.

— Вот так, сейчас зуд уймется, — бормотала я. — Тебе станет легче. Потом тебя высушим, расчешем, и хоть на выставку.

Я вытащила волка из душа, поставила на пол в ванной. Пожертвовав собственным полотенцем, хорошенько вытерла мокрую шкуру. Закапала в ореховые глаза капли из того же зоомагазина.

Юлька присела рядом, потрогала черный нос.

— Влажный, — сказала она. — А изо рта как несет!

Она тщательно вычистила волку зубы новой щеткой, как смогла, выполоскала пасту шлангом из душа. С шерсти быстро натекла лужа.

— Без фена не обойтись, — сказала я. — Юлька, может, ты займешься? А я пока душ почищу и сама помоюсь. У меня теперь у самой все зудит. То ли нервное, то ли тоже блохи.

— Сделаю, — кивнула подруга, а я залила в поддон душа чистящее средство и принялась за работу. Прикидывая, сколько всего мне еще придется отмыть, чувствовала себя Золушкой, а не ведьмой.

Отдраив душ, а потом и себя, я завернулась в полотенце и выбралась в ванную. Волк стоял все в той же позе, слегка припав на передние лапы, нос был сморщен, из-под верхней губы выступали длинные клыки. Но теперь шерстка у него пушилась, как у плюшевой игрушки, а на макушке меж ушей торчал маленький хвостик, завязанный розовой резиночкой.

Юля задумчиво перебирала пальцами шерсть.

— Как думаешь, ты сможешь его расколдовать? — спросила она.

— Окстись, мать, — удивилась я. — Мое знакомство с магией заканчивается гаданием на картах в летнем лагере.

— А ведь ты тогда очень точно все предсказывала, — задумалась Юля. — Ведьмино наследство обычным девушкам не достается — так ведь воевода сказал. Твоя троюродная бабка — ведьма, значит, и в тебе ведьмина кровь, пусть капелька, но все же. И ведь есть в тебе что-то такое, колдовское, — то погоду предскажешь, то билет на экзамене. Цыгане от тебя всегда шарахались. А ты сама сразу людей чувствуешь, — кто врет, от кого лучше держаться подальше. А какое мыло у тебя получается! Мои соседки по общаге готовы всю стипендию за обмылок отжалеть. Способности надо развивать. Это то, что дано свыше.

— А вдруг этот дар, так сказать, с нижних этажей? — спросила я. — Если ведьмина кровь — проклятье?

— Всякий дар можно использовать во благо, — отрезала Юля. — Раз ведьма смогла заколдовать волка, то другая сможет его освободить, не так ли?

— И что потом? Он сожрет нас в качестве благодарности? — резонно возмутилась я. — Посмотри на его морду! Это же хищник. Как пить дать, сожрет и не поморщится. Он ведь и голодный поди, как... как волк.

Юля вздохнула, потрепала острые серые уши.

— И все-таки это неправильно. Жестоко.

— Ладно, можешь тут предаваться жалости, а я — к нотариусу. И если я опять назову ее Портосовной, это будет по твоей вине.

— За пять золотых можешь звать ее «эй, ты!».

Вопреки совету подруги, в кабинет нотариуса я вошла, постучавшись и вежливо поздоровавшись. Еще свежа была память о шевелящихся рыжих локонах и белых нечеловеческих огоньках в глазах Эльвиры Протосовны. Хозяйка кабинета в белом костюме сидела за столом, положив руки перед собой. Напротив нее появился стул, я осторожно присела на краешек. Нотариус выжидательно смотрела на меня, и я, спохватившись, вынула из рюкзака пять золотых монет, положила их одну за другой на полированную холодную столешницу. Эльвира сгребла монеты в приоткрытый ящик стола, достала оттуда песочные часы. Белая струйка медленно потекла вниз.

— Что вы хотели узнать, Василиса Егоровна?

— Вы человек? — ляпнула я.

— Мы будем обсуждать меня или вопросы, относящиеся к наследству? — Эльвира многозначительно посмотрела на часы, изогнув тонкую рыжую бровь.

— Вы правы. — Я вынула изрядно помятый договор на пользование домом и листок с условиями. — Во-первых, хочу заметить, что вы обманом заставили меня скрепить договор, так что в случае чего я буду его оспаривать.

Эльвира пристально посмотрела на меня.

— У кого вы его будете оспаривать, Василиса?

— У царя, — нашлась я. — Он ведь там главный?

— Хорошо, — легко согласилась Эльвира. — Но ведь вы решили оставить наследство? Вам понравился дом?

— Он странный, — задумалась я.

Тем не менее нотариус была права, дом мне понравился. Если его хорошенько отмыть, будет конфетка. Перед встречей с Эльвирой я приняла душ, оделась, а потом выпила чашку чая, сидя на ступеньках на заднем дворе, выходящем в иной мир. Пчелы кружились вокруг сирени, гудя, как паровозики. Издали доносился шум деревни. Я вытащила наружу волка, чтобы он проветрился на свежем воздухе. Ветерок гладил его по вздыбленной холке, обнажая светлый подшерсток. И в какой-то момент я поняла, что наслаждаюсь каждым мгновением. Да, мне определенно там нравилось.

— Тогда пройдемся по условиям, — предложила Эльвира.

Мы продвигались вниз по списку, обводя кружком пункты по очереди. Простая шариковая ручка в гладких руках Эльвиры смотрелась как-то неуместно. Весь кабинет был совершенно белым и стерильным, искусственный голубоватый свет лился из прямоугольной лампы на потолке, из окна, закрытого жалюзи, не проникало ни лучика, ни звука. А вдруг за окном Эльвиры тоже другой мир? У меня руки зачесались проверить свою догадку, но нотариус строго на меня посмотрела, и мы вернулись к бумагам.

Больше всего меня озадачил пункт, согласно которому я должна была выполнять условия договора с инкубом.

— Инкуб — демон похоти, — разъяснила Эльвира. — Мужского пола. Кроме плотских утех его ничего не интересует, так что, полагаю, именно это ему и надо.

— От моей бабки?

— Почему нет? — Эльвира Протосовна нисколько не удивилась. — А теперь от вас, Василиса.

— А если я не согласна?

— Инкуб должен быть удовлетворен. Иначе этот пункт условий останется не выполненным.

— И что тогда? — вспыхнула я.

— Тогда, Василиса Егоровна, вы теряете право пользования наследством. — Она вынула из стола желтый конверт — точь-в-точь такой же, как у меня. — А я вручу договор следующей наследнице. Или вы думали, вы единственная потомственная ведьма? Вам нужно продержаться на условиях Маргариты Павловны ровно год, начиная со вчерашнего дня. Потом вы вольны делать что хотите, в том числе расторгнуть договор с инкубом. Вы станете полноправной владелицей дома с выходом в два мира.

— А что это за мир?

— Когда-то миры были едины. — Мне показалось, что на безучастном лице Эльвиры проскользнула затаенная грусть по былым временам. — Но после великого разлома они разделились: в вашем мире развитие пошло по технократическому пути, в том мире осталась магия, а некоторые миры и вовсе погибли. Воспоминания о магическом мире остались в виде сказок и легенд, и почти все они правда, быть может, слегка приукрашенная. Географически это дубль вашего мира за исключением рукотворных изменений земной поверхности. Политическое устройство царства, в котором расположен ваш дом, — абсолютная монархия. В других странах существует разброс вариантов вплоть до парламентской республики.

Во время политического экскурса я слегка заскучала и, в конце концов, бесцеремонно перебила Эльвиру:

— Но если я могу проходить в тот мир, значит, и из иного мира к нам могут попадать разные существа?

— Разумеется, — кивнула Эльвира и обвела кружком еще один пункт договора. — Более того, согласно условиям, составленным вашей бабкой, вы обязаны провести в ваш мир три сущности, которые не являются ни людьми, ни животными. Это могут быть демоны, вампиры и любые другие существа, в которых есть магия.

— А вот этот пункт, — ткнула я пальцем в лист, — заработать ворожкой не менее тридцати золотых за год...